

Военная фантастика

Иван Оченков

СТРЕЛОК

Путь на Балканы
Путь в террор
Путь в Туркестан

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
О-95

Серия «Коллекция. Военная фантастика»

Иллюстрация на обложке *Владимира Гуркова*

*Выпуск произведения без разрешения издательства считается
противоправным и преследуется по закону*

Оченков, Иван Валерьевич

О-95 Стрелок: Путь на Балканы. Путь в террор. Путь в Туркестан: сборник / Иван Оченков. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2021. — 896 с. — (Коллекция. Военная фантастика).

ISBN 978-5-17-138543-9

Конец XIX века. На Балканах опять пахнет кровью и порохом. Россия не собирается терпеть насилие над братьями-славянами, и на границах могучей империи слышится железная поступь царских полков. А в одной из солдатских шеренг марширует наш современник, неведомо как оказавшийся в самой гуще событий. Он прекрасно знает, что ничем хорошим для его страны эта война не кончится и освобожденные «братья» с тех пор всегда будут воевать на стороне врагов.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-138543-9

© Иван Оченков, 2021
© ООО «Издательство АСТ», 2021

Путь на Балканы

В доме земского врача Модеста Давыдовича Батовского часто собирались гости. Семья его была гостеприимной и, что немало важно, — передовой. То есть все ее члены придерживались прогрессивных взглядов и привечали у себя людей подобного склада. Такова была его жена Эрнестина Аркадьевна, красивая еще дама, лет... Впрочем, у дам ведь о возрасте не спрашивают, не так ли? Такова была и его дочь Софья, весьма изящная барышня восемнадцати лет от роду. Очевидно, таким же со временем станет и их младший сын — гимназист Маврик. Но пока тринадцатилетний мальчик озабочен не прогрессом, а куда более насущными в его возрасте заботами. У него каникулы, и он никак не может взять в толк, отчего ему надо забросить забавы с уличными приятелями и, переодевшись и причесавшись, сидеть с постным видом в гостиной, делая вид, что ему очень интересны умные разговоры о политике, прогрессе и тому подобных вещах. Впрочем, в последнее время частенько говорят о предстоящей войне, и вот такие бы разговоры он послушал, да только эти несносные взрослые, ведя подобные разговоры, неизменно выдворяют его из комнаты. Дескать, Мавруша еще очень мал. А он совсем не мал и горячо сочувствует славянам, томящимся под турецким игом, и потому готов хоть сию минуту выступить с оружием в руках и победить всех башибузуков разом! Но пока он сидит в гостиной, надеясь, что его не выставят раньше, чем несносная Сонька станет развлекать гостей. Она будет музицировать на фортепиано, а гости, которые вовсе никакие не гости, а потенциальные женихи, столпятся вокруг и, придав своим физиономиям выражение мечтательности, будут с придыханием говорить: «Ах, как это прекрасно, ах, какой шарман!»

Женихов было трое. Первого звали Никодим Петрович Иконников. Он был уже человеком зрелым, можно даже сказать, в возрасте. В прежние времена служил частным поверенным, имел обширную адвокатскую практику и не менее обширные связи. Теперь он занимался коммерцией, и весьма успешно. Поговаривали, что его компаньонами были очень многие богатые и влиятельные господа.

Голову его, правда, украшала изрядная лысина, а фигуру — брюшко. Первое он скрывал, зачесывая особым образом волосы, а второе — корсетом. При этом человек он был светский и весьма любезный в общении. Маврик, правда, его недолюбливал, за неприятный взгляд и насмешливость, но его мнения на этот счет, конечно, никто спрашивать не собирался. Второй был офицером. Говорят, в прежние годы девицы всем видам женихов предпочитали военных, но те времена давно прошли. К тому же Софья Модестовна была барышней рассудительной и прогрессивной, и пленить ее видом гусарского ментика было несколько затруднительно. К тому же Владимир Васильевич Гаупт, так его звали, был не гусаром, а простым пехотинцем. Тем не менее штабс-капитан был молод, высок, хорош собой и успел закончить Академию Генштаба. Теперь он выслуживал пенз командира роты в расквартированном неподалеку полку и ко всему приходился Батовским дальним родственником. Серебряный аксельбант на груди офицера намекал, что карьера его на подъеме, и потому женихом он был все-таки завидным. К тому же он был сторонником всяческого прогресса, хотя и в армии, а потому дорогим гостем у Модеста Давыдовича и Эрнестины Аркадьевны. Маврику Гаупт, пожалуй, нравился. Была в нем какая-то внутренняя сила, сразу заметная мальчишке. К тому же он был весьма прост в общении и частенько рассказывал разные занимательные истории о войне, до которых мальчик был большим охотником.

Третьего и женихом-то было назвать трудно. Алексей Лиховцев был студентом Московского университета и однокурсником кузена Батовских — Николаши. Принят в доме он был только благодаря своему приятелю и в качестве жениха родителями Сонечки не рассматривался совершенно. Помилуйте, прогресс прогрессом, а жить на что-то надо. С Мавриком они были почти друзьями, а Софи отвечала на его робкие ухаживания с изрядной холодностью, введившей бедного студента в черную меланхолию. Иногда, впрочем, она меняла гнев на милость и разговаривала с ним почти ласково. Алексей и Николаша были ее признанными пажами. Они сопровождали ее на прогулках, собирали ей полевые цветы, пели хором, когда она им аккомпанировала на фортепиано. Для кузена, знающего Софию с детства, это было чем-то вроде игры, а вот для Лиховцева постепенно становилось смыслом жизни. Нельзя сказать, чтобы Модесту Давыдовичу и особенно Эрнестине Аркадьевне это слишком уж нравилось, но приличия соблюдались неукоснительно, а Сонечка была, как я уже говорил, барышней весьма не глупой, и они не ожидали от нее решительно никаких безрассудств.

Ужин в тот день удался на славу. Вообще, Модест Давыдович, будучи доктором, предпочитал сам и рекомендовал всем своим пациентам самую простую пищу. Щи, кашу, отварную телятину и пироги с разнообразной начинкой. Но все дело в том, что кухарка

Батовских — Акулина — умела готовить все это совершенно бесподобно. Правда, племянница кухарки Дуняша, служившая с недавних пор у них горничной, несколько раз проявила непростительную неловкость, но, слава богу, все обошлось. Гости воздали должное угощению и наперебой хвалили хозяйку. Та воспринимала это как должное и милостиво улыбалась в ответ. Глава семейства также чувствовал себя великолепно, и для полного счастья ему не хватало совсем чуть-чуть.

— Сонечка-душечка, — с улыбкой обратился он к дочери, — а не сыграешь ли ты нам что-нибудь?

— Прекрасная мысль, — поддержал его Иконников, — просим, просим!

Обычно Софи с удовольствием откликнулась на подобные предложения. Музыку она искренне любила и играла довольно хорошо. К тому же какой барышне не хочется блеснуть талантом в присутствии стольких кавалеров, но тем более неожиданным для присутствующих был ее ответ:

— Прости, папа, мне что-то не хочется.

— Что с тобой, — удивился Модест Давыдович, — ты нездорова?

— Нет, все хорошо.

Разумеется, этот лаконичный ответ не мог успокоить родителей.

— В чем дело, Софи? — встревожилась Эрнестина Аркадьевна. — Ты и ела совсем без аппетита. Неужели тебе не понравилось?

— Простите, господа, — поднялась с места девушка, — просто я не могу...

— Что-то случилось? — тихо спросил Алексей, с видом крайнего беспокойства, и даже легкомысленный Николаша вопросительно уставился на кузину.

— Да случилось, — не выдержала она. — Мы едим, пьем, развлекаемся, а совсем рядом творятся совершеннейшие дикости. Кроважадные османы терзают балканских славян, а нам нет до этого никакого дела. Башибузуки не щадят ни женщин, ни детей, а вы предлагаете мне музицировать.

Услышав это, гости застыли как громом пораженные. Софья Модестовна не повышала голос, не сбивалась в мелодекламацию, свойственную некоторым экзальтированным девицам. Напротив, она говорила тихо и спокойно, но от этого ее речь была только более убедительной. Первым из ступора вышел хозяин дома.

— Кажется, я теперь знаю, куда пропал номер «Нивы». Сонечка, милая, я ведь говорил тебе, что не следует читать газет перед обедом. От этого бывает...

— Можно подумать, что после обеда эти вести станут менее ужасными, — парировала дочь.

— Нет, разумеется, но восприниматься они будут куда менее остро.

— В конце концов, в чем ты нас обвиняешь? — кинулась в бой мадам Батовская. — Мы, право же, очень сочувствуем несчастиям Сербии и Болгарии. Мы даже третьего дня жертвовали в помощь пострадавшим от турок...

— О, да! Пять рублей!

— А я согласен с мадемуазель Софи, — неожиданно поддержал ее Иконников, — право же, дела творятся совершенно невероятные и, я бы даже сказал, дикие. А мы совершенно непростительно медлим. Кровь славянства взывает к отмщению!

— Ну не скажите, дорогой Никодим Петрович, насколько я могу судить, наше правительство наконец вышло из состояния апатии. Ультиматум османам составлен в самых решительных выражениях. Объявлена мобилизация, войска выдвигаются к границе, а кстати, что скажет наша доблестная армия?

— Армия готова выполнить свой долг, — просто и без малейшей аффектации ответил Гаупт. — К тому же могу сказать вам со всей откровенностью, решение о войне принято. Я не хотел говорить прежде времени, но наш полк скоро выступит, и, очевидно, это последний мой визит к вам.

— Не говорите так! — встревожилась Эрнестина Аркадьевна.

— По крайней мере, до войны, — с улыбкой поправился штабс-капитан.

— А вы знаете, мы с Алешкой тоже идем в армию, — неожиданно выпалил Николаша и сконфуженно улыбнулся.

— То есть как, вы же еще студенты?

— Уже нет, тетушка, мы теперь вольноопределяющиеся Болховского полка.

— Что ты такое говоришь, а твои родители знают?

— Нет, ма тант¹, я не решился рассказать им сам и потому хотел бы просить вас с дядей...

— Ура, наши идут на войну, — закричал совершенно ошеломленный всеми этими известиями Маврик, однако закончить не успел, потому что Дуняша, услышав о войне или еще почему, с грохотом уронила на пол поднос с посудой.

— Это еще что такое? — строго воскликнула Эрнестина Аркадьевна, но девушка не слышала ее и лишь во все глаза смотрела на сделавших это удивительное признание студентов.

— Как же это, Николай Людвигович, Алексей Петрович... на войне ж убить могут, — бормотала она, и глаза ее быстро наполнились слезами.

— Полно тебе причитать, — нахмурился Модест Давыдович, — они еще, слава богу, живы. Но как это возможно?

¹Ma tante (фр.) — тетушка.

— Свидетельствую, — громко заявил Гаупт, — молодые люди говорят чистую правду. Им стоило немалого труда уговорить меня скрывать эту новость. Тем более что для этого господам вольноопределяющимся пришлось переодеться в партикулярное платье, что я как офицер не могу одобрить никоим образом. Но, раз их инкогнито раскрыто, то в следующий раз вы увидите их в мундирах.

Пока он говорил, Соня подошла к кузену и его приятелю и срывающимся голосом пробормотала:

— Простите меня, Николаша, и вы, Алексей, я дурно думала о вас и мне теперь ужасно стыдно. Вы ведь извините меня?

Пока все внимание было приковано к уходящим на войну молодым людям, Дуняша наконец вспомнила о своих обязанностях и с виноватым видом принялась собирать на поднос разбитую посуду. Собрав все черепки, девушка попыталась незаметно выскользнуть, но не тут-то было. Внимательно следившая за ней хозяйка тут же пошла следом и, догнав горничную в коридоре, буднично отхлестала ее по щекам, а затем вернулась к гостям и, любезно улыбаясь, предложила всем перейти в гостиную.

— Господа, ну, сколько можно говорить о войне, право же, наши мальчики теперь не скоро окажутся в домашней обстановке, так давайте не будем их лишать этого удовольствия.

— И в самом деле, — прогудел Иконников, — давайте о чем-нибудь смешном. Кстати, Модест Давыдович, ты, помнится, говорил о некоем курьезе, приключившемся в вашем богоугодном заведении?

— Каком курьезе? — заинтересовался жизнерадостный Николаша. — Дядюшка, расскажи, а то ведь верно, в ближайшее время нам занятые истории только их благородие Николай Петрович рассказывать будет!

— Всенепременно, — осклабился штабс-капитан, — «словесность» называется. Уверяю, господа-вольноперы, вам понравится.

— Да уж приключилась история, — засмеялся доктор, — впрочем, извольте. Третьего дня, ближе к вечеру, нам, некоторым образом, полицейские привезли человека.

— Что, прямо городовые?

— Они самые. По их словам, нашли его на Поганом болоте, в совершенно помраченном состоянии рассудка. Ну и, разумеется, привезли к нам. В отделение для душевнобольных.

— И в чем же курьез?

— Да в протоколе, составленном этим олухом царя небесного, нашим исправником! Это же надо подумать, написал, что найденный на болотах человек утверждал, будто бы он из будущего! Каково?

— Презанятно! А из каких же времен к нам сей... посланец грядущего?

— Ну, по словам нашедших его, из двадцать первого века.
— По словам?
— То-то, что по словам. Уж не знаю, что нашим держимордам почудилось, только когда я этого человека осмотрел и выслушал, то ни о каком будущем он мне не рассказывал.

— А что рассказывал?
— Да ничего! Разум у человека помутился, так что он и не помнит ничего. Бывает такое с перепугу. Болота, извольте ли видеть, места, способствующие приступам паники.

— А о каком же будущем толковал господин исправник?
— Да какое там будущее, к нечистому, прости меня Господи! Видимо, когда его нашли, некие отрывки памяти в голове бедолаги еще крутились, вот он и сказал, откуда родом.

— Откуда родом?
— Ну конечно! За болотом-то как раз деревенька Будищево! Вот полицейским и почудилось невесть что. Фогель-то недавно в наши края переведен, вот и путается до сих пор в трех соснах.

— Действительно, анекдот. Не желаете ли сообщить о сем курьезе в «Медицинский альманах»?

— Чтобы меня коллеги засмеяли? Благодарю покорно! Или в полицейском департаменте чего доброго обидятся. Нет уж, увольте.

— Да, наши держиморды могут.

Пока гости посмеивались над глупой ошибкой недавно переведенного из столицы недалекого полицейского, случилось так, что Софья и Лиховцев остались совершенно одни в столовой и их отсутствия сразу не заметили. Молодые люди стояли друг против друга и не могли от смущения вымолвить ни слова. Первой молчание нарушила девушка:

— Отчего вы не хотели сказать, что уходите на войну?

— Э... ваш кузен не хотел тревожить раньше времени... — промямлил тот.

— Вы говорите неправду, — мягко прервала его Соня, — Николаша, он милый и славный, но что-либо скрывать совершенно не в его характере. Это ведь ваша идея, не так ли?

— Идти на войну?

— И идти на войну, и скрывать это от нас.

— Да.

— Так отчего?

— Мне не хотелось выглядеть перед вами хвастуном, Софья Модестовна. Вы знаете о моих чувствах к вам и отвергли их. Но мне не хотелось бы, чтобы у вас составилось мнение, что я сделал это лишь, чтобы произвести на вас впечатление. То есть я хотел бы, чтобы вы думали обо мне хоть немного лучше... но дело в том, что я это давно решил. Я искренне сочувствую поработанному славянству

и хотел бы хоть что-то сделать для его освобождения. Наверное, это прозвучит выпендренно, но ради этих убеждений я готов подставить свою грудь под пули.

— Мне так стыдно перед вами.

— Но отчего?

— Оттого что я дурно думала о вас. Я полагала, что вы такой же, как все эти пустые люди, так часто окружающие меня. Они много говорят, горячо спорят, но ничего не делают. Вся их горячность уходит в пар. Вы понимаете меня?

— Кажется, да. Но я...

— Не такой, как они? Теперь я вижу это.

— Я люблю вас!

— Подождите. Я вовсе не такова, как вы обо мне думаете. Да я хороша собой и знаю это. Но все это лишь оболочка. Видите ли, я еще не только ничего не сделала в жизни полезного, но даже не разрушила вредного. В сущности, я избалованная чужим вниманием пустая девчонка. Молчите, прошу вас, не смейте мне возражать! Да, я плохая, но я надеюсь исправить это. Вы понимаете меня?

— Конечно!

— Понимаете? Даже мои родители не понимают меня. Они считают себя передовыми людьми, но при этом уверены, что главной целью в жизни женщины является замужество. А как же прогресс, как же нравственное совершенствование?!

— Я восхищаюсь вами!

— Ах, оставьте, я совершенно не заслуживаю восхищения, тем более вашего. Вы совершенно другое дело, вы смелый, честный и способный на поступок человек. Сознаюсь, я прежде заблуждалась на ваш счет и теперь не знаю чем загладить свою вину.

— Боже мой, о какой вине вы говорите? Вы чудесная, добрая, милая...

— Вы, правда, так думаете?

— Конечно!

— Я могу что-то сделать для вас?

— Дайте мне хоть маленькую надежду, хоть тень ее, и я, чтобы добиться вашего расположения, сверну горы.

— Расположения, о чем вы говорите?! Я, может быть, впервые в жизни встретила достойного человека...

— Так я могу надеяться!

— Послушайте, я, кажется, говорила уже, что терпеть не могу людей, много говорящих, но ничего при этом не делающих. Вы человек дела, и я хочу быть достойной вас. Твердо обещаю, что если вы пойдете на войну, то по возвращении я буду принадлежать вам. Никто и ничто, ни родители, ни молва не изменят моего решения!

— Вы необыкновенная!

Тут их излияния прервал ворвавшийся в столовую Маврик.

— Соня, ты где? А что это вы тут делаете?

— Ничего, — строго отвечала ему сестра, — просто господин Лиховцев уходит на войну, и я захотела выразить ему свое восхищение.

— А ведь и верно, — загорелись глаза мальчишки, — это очень мужественный поступок, и мы все гордимся вами и Николашей. А вы возьмете меня с собой?

— Боюсь, Мавр, тебе нужно прежде немного подрасти, — улыбнулся Алексей и похлопал своего юного приятеля по плечу.

— Ну вот, опять, — огорчился мальчик. — Право же, я вовсе не так мал, как вам кажется...

— Маврикий, — нетерпящим возражений тоном прервала его Софья, — не смей приставать к Алексею Петровичу! Разумеется, он никаким образом не может взять тебя с собой. Ведь он отправляется на войну, а там совсем не место для таких глупых мальчишек.

— Да уж поумнее тебя буду, — пробурчал в ответ брат, до ужаса не любивший, когда его называли Мавриkiem.

Однако Софья Модестовна, не слушая его, подала руку Лиховцеву, и они вместе отправились в гостиную. Эта деталь вкупе с сияющей физиономией студента не осталась незамеченной, но девушка, ведя себя как ни в чем небывало, подошла к фортепиано, устроилась поудобнее на стуле и, подняв крышку, опустила руки на клавиши. Длинные и изящные пальчики забегали по ним, и комната наполнилась чарующими звуками музыки.

Все со временем заканчивается, закончился и этот вечер. Гости стали прощаться, благодаря гостеприимных хозяев за чудесный прием. Те, разумеется, отвечали, что для них честь принимать столь достойных особ, и вообще, заходите еще, не забывайте нас. У господина Иконникова был свой экипаж, на котором он любезно согласился подвезти штабс-капитана. Гаупт, правда, вздумал было отказаться, но Никодим Петрович заявил, что отказа не примет и во что бы это ни стало желает оказать услугу защитнику отечества. Тому ничего не оставалось делать, как согласиться. Молодые люди, гостившие у Батовских, отправились к себе во флигель. А Эрнестина Аркадьевна пожелала поговорить с Софьей.

— Ты очаровательно музицировала сегодня, — мягко сказала она, положив руку на плечо дочери. — Наши гости были в совершенном восторге, особенно Гаупт.

— Я польщена, — улыбнулась матери девушка, прекрасно поняв, куда та клонит.

— Мне кажется, Владимир Васильевич питает к тебе определенные чувства.

— К сожалению, не взаимные.

— К сожалению?

— Конечно, мне ведь страсть как хочется быть представленной полковым дамам. Жить где-нибудь в захолустье и из развлечений иметь только редкие балы в офицерском собрании да визиты к сослуживцам, где они перебивают друг другу кости.

— Ха-ха-ха, — засмеялась мать, в красках представив себе эту картину, столь живо нарисованную дочерью. — Однако не слишком ли ты сурова к господину штабс-капитану? Ведь он окончил академию, и карьера его обеспечена...

— Ничуть, мама. Право, Владимир Васильевич человек многих достоинств, но я не люблю его и, кажется, никогда не смогу полюбить. А перспектива быть женой военного внушает в меня такой ужас, что я смотрю на него едва ли не с отвращением.

— Но ты так горячо выступаешь за помощь славянам...

— Ах, мама, разумеется, я всем сердцем сочувствую им, но, видишь ли, война рано или поздно закончится, а Гаупт так и останется военным.

— Что же, я не ошиблась в тебе, дорогая моя. А что ты скажешь по поводу Никодима Петровича?

— Маменька, вы с отцом всерьез полагаете меня старой девой, которую нужно как можно скорее выдать замуж?

— Нет, конечно, что за идеи!

— Ну, ты так рьяно стала обсуждать матримониальные планы...

— Ох, девочка моя, конечно же, никто не считает тебя старой девой. Но и в том, чтобы подумать о замужестве, нет ничего дурного. Или ты решилась присоединиться к этим безумным «эмансипе», отрицающим брак?

— Вот еще, — фыркнула Софья, — разумеется, нет! Но и торопиться в этом вопросе я не собираюсь. Или вы хотите выдать меня замуж, как в домостроевские времена, не спрашивая согласия?

— Как ты можешь обвинять нас в подобном! — оскорбилась Эрнестина Аркадьевна.

— Ах, мамочка, прости, — повинилась Софья и обхватила шею матери руками, — ну, прости, пожалуйста, просто ты ведь знаешь, как я не люблю подобные разговоры.

— Ох, что ты со мной делаешь! Ну, ладно-ладно, янисколько не сержусь. Просто ты уже не девочка, моя милая, и пора начинать об этом задумываться. Так что ты мне скажешь о господине Иконникове?

— Нет, это решительно невозможно! Ну, хорошо, раз ты так хочешь, то изволь. Давай говорить прямо, Никодим Петрович годится мне в отцы. Его масляные взгляды мне откровенно неприятны. Человек он, конечно, богатый и принят в обществе, но это такая же клетка, как у полковых дам. Разве что чуть более просторная и решетка ее изукрашена.